

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 1, Pp. 8–17, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-8-17

Русско-персидские школы как элемент реализации политики «мягкой силы» Российской империи в Северной Персии в конце XIX – начале XX в.

Владимир Олегович Кулаков¹

¹ Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева (д. 20а, ул. Татищева, 414056
 Астрахань, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, доцент

 0009-0007-2188-5660. E-mail: jahondor[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Кулаков В. О., 2024

Аннотация. *Введение.* В конце XIX – начале XX в. усилилось противостояние России и Великобритании в Персии, сопровождавшееся проникновением других великих держав (Франции, Германии, США) в регион Ближнего и Среднего Востока. В этих условиях традиционные экономические методы распространения своего влияния в Персии, применявшиеся Россией, оказались недостаточными. *Целью* настоящего исследования стало обоснование факта открытия российских образовательных учреждений в Северной Персии как нового способа реализации политических целей России в этой стране. Задачей работы стало подтверждение с помощью архивных документов положения о том, что деятельность русско-персидских школ в указанный период должна была способствовать формированию у персидского населения положительного образа России. *Материалы и методы.* Важнейшими источниками, характеризующими процесс открытия русско-персидских школ в Северной Персии (их цели и задачи, постановку учебного процесса, конкретные результаты), стали обнаруженные в фондах Российского государственного исторического архива документы как центральных органов власти, так и дипломатических, экономических и военных учреждений Российской империи в Персии. Достичь поставленной цели исследования удалось с помощью использования аналитического и обобщающего методов с применением сопоставительного сравнения историографических сведений с архивными материалами. В *результате* были выявлены предпосылки возникновения русско-персидских школ в Северной Персии, определена обоснованность их деятельности именно в этом регионе страны, четко прослежен контекст конкуренции России с другими государствами в этом деле и сделаны выводы следующего характера: российское правительство ясно осознавало необходимость открытия школ, которые бы распространяли среди населения Персии русский язык и представления о России; контингент выпускников этих учебных заведений стал бы важным элементом реализации интересов России как в торгово-экономической сфере, так и в политической, несмотря на разные сложности, в первую очередь финансового характера; школы пользовались популярностью у персов как в Тегеране, так и в других городах Северной Персии.

Ключевые слова: образование, школы, Общество востоковедения, Северная Персия, история, Россия, политика, Учетно-ссудный банк, влияние

Для цитирования: Кулаков В. О. Русско-персидские школы как элемент реализации политики «мягкой силы» Российской империи в Северной Персии в конце XIX – начале XX в. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 1. С. 8–17. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-8-17

Russian-Persian Schools as an Element of Imperial Russia's Soft Power Policy in Northern Persia: Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries

Vladimir O. Kulakov¹

¹ Astrakhan Tatishchev State University (20A, Tatishchev St., 414056 Astrakhan, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0009-0007-2188-5660. E-mail: jahondor[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Kulakov V. O., 2024

Abstract. *Introduction.* The late nineteenth and early twentieth centuries witnessed an intensified Russia–UK confrontation in Persia, which was paralleled by penetrations of other great powers (France, Germany, USA) into the Near and Middle East. Under those conditions, Russia's traditional economic methods of influence in Persia became insufficient. *Goals.* The study seeks to examine the phenomenon of Russian educational institutions in Northern Persia as another way of pursuing own national political goals in the designated country. The work aims at confirming — with evidence from archival documents — the activities of Russian-Persian schools during the specified period were to shape a positive image of Russia in Persian society. *Materials and methods.* The most important sources characterizing the process of opening Russian-Persian schools in Northern Persia (their goals and objectives, training agenda, certain results) are documents of both central authorities and diplomatic, economic and military institutions of the Russian Empire to Persia discovered at the Russian State Historical Archive. Analytical and generalization methods — with comparative into historiographic and archival materials — have proved most instrumental therein. *Results.* The article identifies some prerequisites for the emergence of Russian-Persian schools in Northern Persia, determines the validity of their activities in this particular region of the country, clearly outlines the context of Russia's competition with other governments in this matter to conclude as follows: the Russian government was perfectly aware of the need to open such schools that would disseminate the Russian language and Russia-related ideas among Persia's population; graduates of those educational institutions would serve an important element in pursuing Russia's interests both in trade, economy, and politics; despite various difficulties — primarily financial ones — the schools were popular enough among ethnic Persians both in Tehran and in other cities of Northern Persia.

Keywords: education, schools, Oriental Studies Society, Northern Persia, history, Russia, politics, Loan and Discount Bank, influence

For citation: Kulakov V. O. Russian-Persian Schools as an Element of Imperial Russia's Soft Power Policy in Northern Persia: Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries. *Oriental Studies*. 2024; 17(1): 8–17. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-71-1-8-17

1. Введение

Распространение политического влияния через развитие образования в той или иной стране прочно вошло во внешнеполитический арсенал разных государств с момента появления в Азии первых европейских миссионеров. В настоящее время образование является неотъемлемой состав-

ляющей политики «мягкой силы» ведущих мировых держав [Антюхова 2018: 197]. Геополитическое противостояние Российской и Британской империй на Среднем Востоке и в частности в Персии в конце XIX – начале XX в. имело различные проявления, которые тщательно были изучены несколькими поколениями отечественных и зарубежных

историков. Гонка за экономическое влияние в регионе была одним из самых зримых проявлений этого противостояния, поэтому неудивительно, что именно она в первую очередь являлась объектом многочисленных исследований, посвященных распространению российского торгово-промышленного капитала в Персии. Однако вводимые в оборот архивные документы раскрывают другой аспект российской политики в Персии, ранее не подвергавшийся научному анализу. Экономическая составляющая была хоть и важна, но совершенно недостаточна для превращения Персии в исключительно дружественную России страну, самостоятельную в своей политике, не допускавшую бы проникновение третьих сил в Каспийский регион, что, собственно, и являлось целью России в Прикаспии со времен Петра I. Попытки Российской империи в начале XX в. организовать целую сеть образовательных учреждений в Северной Персии — регионе, имевшем с ней наиболее тесные связи, ярко демонстрируют то внимание, которое уделялось Россией этому аспекту ее политики в Персии.

2. Материалы и методы

В основу исследования легли материалы фондов «Императорское общество Востоковедения», «Учетно-ссудный банк Персии», «Общая канцелярия министра финансов» Российского государственного исторического архива. В них содержится подробная переписка между различными ведомствами Российской империи по поводу необходимости открытия и финансирования русских школ в Персии. Представлены отчеты и докладные записки непосредственных исполнителей и ответственных лиц из российской дипломатической миссии в Тегеране, отделений Учетно-ссудного банка Персии, персидской Казачьей бригады о результатах деятельности этих учебных заведений. Аналитический метод работы с архивными документами позволил, с одной стороны, выявить глубокую заинтересованность высшего руководства страны в деятельности русско-персидских школ, а с другой — показать, что инициатива к их открытию и аргументация их значения во многом исходили от российских представителей разного уровня в Персии. Сравнение многих документов позволило определить общую

мотивацию к открытию и поддержке этих школ — не отдать инициативу англичанам, французам, немцам в склонении персидского населения в свою сторону.

3. Русский язык в персидских школах к началу XX в.

Немаловажную роль в деле открытия русских школ в Персии сыграло образованное в 1900 г. в Петербурге Общество востоковедения, впоследствии получившее название Императорского и имевшее отделения в разных городах России. Целью его провозглашалось «распространение среди восточных народов точных и правильных сведений о России, а также взаимное ознакомление народов России и Востока с их материальной и духовной жизнью» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 1]. В его структуру входило три отдела: торгово-промышленный, образовательный и научно-культурный. Одной из задач образовательного отдела была подготовка в России учителей для стран Востока и организация коммерческих школ в них с преподаванием русского языка, «чтобы дать возможность восточным народам вступать в непосредственные торговые сношения с русскими» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 1].

В первый же год деятельности Общества перед ним был поставлен вопрос о необходимости содействия в открытии и содержании российских учебных заведений в первую очередь в городах Северной Персии. На имя председателя Общества востоковедения Н. К. Шведова поступили подробные доклады от помощника контролера Учетно-ссудного банка Персии Л. Н. Дмитриева о неудовлетворительном состоянии дел с преподаванием русского языка в этой стране, хотя «в Персии, по крайней мере в северной ее части, существует сильное стремление к изучению русского языка» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 5]. Это стремление объяснялось постоянно развивающимися торговыми отношениями Персии с Россией. Инициатива в деле преподавания русского языка в Персии принадлежала самим персам, которые открыли курсы русского языка в первом в Иране высшем учебном заведении университетского типа Дар ул-Фунун и одну частную школу. Однако, как сообщает автор докладов, обучение русскому языку в этих учреждениях было поставлено плохо, и при таком состоянии дел достичь своих

целей они не могли. После посещения этих заведений он делает вывод о том, что «ученики, занимающиеся 3–4 года, не умеют связать двух-трех фраз по-русски и совершенно не могут излагать свою мысль письменно» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 1].

Организация подобных учебных заведений была необходима в том числе и исходя из геополитических интересов России, которая конкурировала с Британией в Персии. В то время как сами персы пытались наладить изучение русского языка без всякой помощи из России, англичане всячески поддерживали школы, где преподавался их язык. Французы открыли в Тегеране две школы с преподаванием французского языка. В этом контексте европейцы находились в более выгодном положении, так как найти в Персии человека, владевшего английским или французским, было намного легче, чем говорившего по-русски для найма его на работу учителем. Персов, знавших английский и французский языки, было достаточно много, особенно в Тегеране. Они-то и составляли основной контингент преподавателей, работавших в школах, и, будучи сами учениками англичан и французов, «старались знакомить своих учеников с этими государствами, рисуя их естественно в розовых красках» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 5].

Примером того, насколько трудно было найти учителя русского языка в Персии, стало открытие в Тегеране школы «Ифтитахие» по инициативе видного иранского государственного и политического деятеля Мирзы Риза-хана. С 1895 г. по 1901 г. он был персидским посланником в Санкт-Петербурге, а в Персии широко известен своей просветительской и литературной деятельностью, в том числе перепиской со Львом Толстым. В программу этой школы вошли французский и русский языки. И если первый довольно успешно преподавался учителем-персом, то второй за неимением учителя русского языка так и не начал преподаваться, несмотря на усиленные поиски руководства учебного заведения, в котором, между прочим, обучалось 300 учеников [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 5].

Что касается тех учителей русского языка, которые все-таки работали в открытых персами школах на севере Ирана, то, по наблюдениям Л. Н. Дмитриева, ими являлись полуграмотные татары и армяне, сами пло-

хо говорившие по-русски. «Интересно, что в одной из школ г. Решт я встретил учителя русского языка, татарина, который прежде служил лакеем у одного моего знакомого в Тегеране» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 6].

В Реште в начале XX в. действовало несколько школ с преподаванием русского языка, и по сравнению с другими городами северных провинций Ирана организация обучения здесь находилась на более высоком уровне. Этот город находился на острие русско-персидской торговли, и купечество здесь особенно было заинтересовано в изучении русского языка. Но все эти школы имели тот же общий для всех недостаток — отсутствие грамотных преподавателей.

В Тавризе (совр. Тебриз) существовало три школы, в которых преподавался русский язык: одна персидская и две армянские. Первая была открыта в конце 90-х гг. XIX в. на средства Зейн-Аль-Абедина Адхама Логмана — личного врача наследника персидского престола принца Мохаммеда-Али. По установленной традиции прямые наследники престола Каджарской династии до момента занятия ими трона отправлялись править Иранским Азербайджаном в качестве наместников в его столице Тавризе. Адхам Логман был выпускником Дар ул-Фунуна, стажировался во Франции. Вернувшись из Парижа, начал служить при дворе наследника и в эти годы основал школу, получившую название по его псевдону «Лукмание» [Rustayi 2003: 424–431].

Мохаммед-Али, предпоследний шах из династии Каджаров, благосклонно относился к России и выражал желание учить русский язык. Для того чтобы найти преподавателя русского языка для наследного принца, персидский посланник в Петербурге Мирза-Риза-Хан Арфа-уд-Даулэ осенью 1900 г. обратился в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков с такой просьбой. По рекомендации выдающегося русского востоковеда-ираниста В. А. Жуковского выбор пал на С. М. Шапшала¹, крымского караима, только что окончившего этот факультет по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду.

¹ Серай Мордехаевич (Сергей Маркович) Шапшала (1873–1961) — русский, польский и советский лингвист, востоковед-тюрколог, доктор филологических наук, профессор, караимский гахам (гахан, духовный глава караимов).

Впоследствии он сам станет известным русским и советским лингвистом, востоковедом-тюркологом. Его зачислили в штат Первого (Азиатского) Департамента МИДа, и в 1901 г. он прибыл в Тавриз в распоряжение наследника. Здесь он, помимо уроков, которые давал принцу, стал преподавать русский язык и общеобразовательные предметы в школе «Лукмание» [Алиев 2004: 563]. Изначально рассчитывавший пробыть в Персии не более двух лет, Сергей Маркович задержался здесь до 1908 г. и стал одним из самых приближенных к наследнику престола, а с 1907 г. — шаху Мохаммеду-Али. Он пользовался его беспрецедентным доверием, рискуя собственной жизнью, спасал его от покушений, за что был представлен МИД к ордену Св. Анны II степени, а с персидской стороны награжден высшей наградой — портретом шаха, украшенным бриллиантами, и произведен в генерал-адъютанты (см. подробнее: [Дзевановский-Петрашевский 2018: 25–65]).

Из двух армянских школ русский язык преподавался только в одной, в которой обучались мальчики. В школе для девочек русского языка не было, что мотивировалось тем, что женщины не занимались торговыми делами и поэтому русский язык им не нужен. В школе для мальчиков, в которой учились 135 человек, русский язык вел армянин. И хотя относился к делу довольно ответственно, но так как «сам имел плохой выговор, то и ученики подчас сильно коверкали наши слова» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 7].

4. Финансирование и организация деятельности первых русско-персидских школ

В связи с этим Л. Н. Дмитриев предложил Обществу востоковедения прийти персам на помощь и открыть хотя бы на первое время в Тегеране вечерние курсы русского языка и арифметики. Основным контингентом курсов Л. Н. Дмитриев видел купцов, имеющих торговые отношения с Россией и заинтересованных в изучении русского языка. Являясь клиентами Ссудного банка, зачастую они не могли разобраться в бумагах, присланных из России, и в этом отношении курсы стали бы тем местом, где им смогли бы в этом помочь. Таким образом можно было бы завоевать доверие купцов и через

них распространить деятельность курсов на остальные категории населения.

В дальнейшем на базе этих курсов было бы легче открыть школу, взяв в качестве примера «русско-туземные школы» в Туркестанском крае, в которых, наряду с русским языком и арифметикой, преподавался Коран. Религиозному аспекту, как считал Л. Н. Дмитриев, необходимо уделить внимание, так как влияние духовенства на население и правительство Персии было очень велико. Чтобы получить поддержку духовенства, Л. Н. Дмитриев предлагал предоставить полномочия по отбору мулл для преподавания Корана главному духовному лицу, проживавшему в Тегеране, — муджтахиду и назначить ему за это соответствующую плату (900 руб.). Материально заинтересовать, по его мнению, следовало и учеников школы, рекомендуя лучших выпускников на низшие должности в российских учреждениях в Персии с зарплатой 30–40 руб. Тем более, что потребность в таких специалистах существовала [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 2].

После получения этих сведений Общество востоковедения поставило своей задачей учреждение в крупных центрах Персии коммерческих (торговых) школ, в которых местные жители изучали бы русский язык, арифметику и основы счетоводства. Инструментом для реализации этой цели стал Учетно-ссудный банк Персии, учрежденный в 1894 г. в качестве ответной меры на организацию англичанами Шахиншахского банка. Именно через этот банк в Персию направлялись российские капиталы, заключались займы и концессии, что позволило отечественным исследователям в разные годы называть его «орудием экономической политики царизма в Персии» [Ананьич 1962: 274] или «проводником российской официальной политики в Персии» [Павлова 2017: 48].

Проанализированные архивные документы позволяют сделать вывод, что экономическая и финансовая деятельность банка включала в себя, кроме упомянутых функций, обеспечение условий для организуемых русско-персидских школ. Банк имел отделения и агентства во многих городах Персии, в том числе на севере страны. Именно в этих городах и были созданы школы с изучением русского языка. Агенты бан-

ка инспектировали эти учебные заведения и составляли подробные отчеты об их деятельности. Поэтому инициатива Общества востоковедения по открытию русских школ в Персии, имевшая своей основой указанные выше докладные записки помощника контролера банка Л. Н. Дмитриева, встретила отклик Управляющего Ссудным банком в Персии, чиновника особых поручений Министерства финансов Э. К. Грубе, который предоставил для школы помещение при отделении банка в Тегеране и пожертвовал из личных средств ежегодную субсидию в 600 руб. [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 24].

Однако этих средств было недостаточно, и Общество востоковедения запросило у Министерства финансов оставшуюся сумму. В свою очередь Министерство в лице Товарища министра финансов тайного советника В. И. Ковалевского, который являлся почетным членом Общества востоковедения, обратилось к бакинскому купцу первой гильдии Гаджи Зейналабдину Тагиеву с просьбой профинансировать открытие русской торговой школы в Тегеране [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 17].

Г. З. Тагиев к началу XX в. стал крупнейшим азербайджанским нефтяным магнатом, рыбопромышленником, самым богатым мусульманским купцом в Российской империи, владевшим также ткацкой фабрикой, торговыми фирмами, купеческим банком. В то же время он был выдающимся меценатом и благотворителем: будучи неграмотным, выделял огромные средства на поддержку образования. Первое женское мусульманское училище на Кавказе (Александринское женское русско-мусульманское училище, названное в честь супруги императора Николая II — Александры Федоровны) было открыто в 1901 г. на средства Зейналабдина Тагиева [Мустафаева 2023: 62]. Он не отказал в просьбе и выделил 5 000 руб., которые были переданы В. И. Ковалевским Обществу востоковедения [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 34]. Об этом было доложено попечителю Общества Великому князю Михаилу Константиновичу (брату Николая II), от имени которого Г. З. Тагиеву письменно была выражена благодарность [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 35].

Говоря о подборе учебной литературы, Л. Н. Дмитриев предлагал использовать «Русскую Речь» М. И. Вольпера, учебное

руководство по русскому языку, специально предназначенное для нерусскоговорящих слушателей, и «Сборник задач и примеров для обучения начальной арифметике» А. И. Гольденберга. Решая эту задачу, Общество востоковедения, по предварительному согласованию с профессором персидского языка на восточных курсах при Азиатском Департаменте МИД Мирзой Казем-беком Абединовым, приобрело 100 экземпляров учебника М. И. Вольпера, 10 экземпляров толкователей слов к нему, 10 экземпляров карт Российской империи. Посылка с этими книгами и картами была отправлена из Санкт-Петербурга через пароходное общество «Кавказ и Меркурий» в Тегеран на адрес Императорской Российской миссии в августе 1902 г. [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 41].

5. Русская прогимназия и школа при персидской Казачьей бригаде

Инициатива Общества востоковедения и Учетно-ссудного банка Персии по открытию русско-персидских школ привела к тому, что в скором времени в Тегеране действовали уже два учебных заведения с преподаванием русского языка. В 1903 г. при персидской Казачьей бригаде была открыта школа для детей персидских офицеров и чиновников, а в 1906 г. открылась русско-персидская школа «Икбаль», которая впоследствии была переименована в «Русскую прогимназию». Посланник России в Персии гофмейстер Н. Г. Гартвиг в секретной депеше из Тегерана от 9 марта 1907 г. пишет, что в ней преподавались персидский, татарский (турецко-азербайджанский) и русский языки. Учитель русского языка был приглашен из Тифлисской семинарии. Н. Г. Гартвиг высказывает мнение, что значение этой школы для развития отношений с Персией «не подлежит сомнению, так как распространение русского языка среди молодых персов и татар, в большинстве случаев сыновей местных купцов, бесспорно облегчит и упрочит связь между нашим и персидскими рынками» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 26].

Депеша Н. Г. Гартвига была направлена в Министерство иностранных дел в связи с запросом директора Учетно-ссудного банка А. С. Остроградского о назначении этой школе ежегодной субсидии [РГИА. Ф. 600. Оп. 10. Д. 206. Л. 6].

После получения этого запроса министр финансов Российской империи В. Н. Ковцов личным письмом обратился к министру иностранных дел А. П. Извольскому с просьбой, чтобы посланник Н. Г. Гартвиг составил отзыв о деятельности этой школы и определил, насколько соответствует интересам страны оказание ей финансовой поддержки. Ответным письмом А. П. Извольский сообщил, что необходимую информацию посланник предоставил, и его депеша была направлена императору Николаю II, на которой тот «собственноручно начертил «Следует помочь» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 24].

Необходимость поддержки данной школы обуславливалась как тем фактом, что со стороны персидского купечества поступали многочисленные просьбы о принятии учеников в эту школу, так и внешнеполитической целесообразностью. В частности Н. Г. Гартвиг сообщал, что германское правительство приняло решение ежегодно выделять значительную сумму на содержание в Тегеране большой немецко-персидской школы. По его словам, «место уже выбрано, и скоро начнется постройка обширных зданий» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 26].

Вопрос финансирования школы «Икбалъ» посланником Н. Г. Гартвигом был напрямую увязан с поддержкой упомянутой выше русской школы при персидской Казачьей бригаде. После посещения этой школы в период годовой промежуточной аттестации посланник предлагал увеличить запрашиваемую А. С. Остроградским сумму для школы «Икбалъ» (1 500 туманов) до двух тысяч и разделить ее поровну между двумя учебными заведениями. Образовательный процесс, в том числе преподавание русского языка, в школе при Казачьей бригаде был организован на высоком уровне. Русскому языку в младших классах обучал «умелый и толковый урядник», а в старших — учитель с университетским образованием. После двух лет обучения ученики могли свободно писать и разговаривать на русском языке [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 25].

Это учебное заведение быстро приобрело популярность и доверие среди местного населения, зачастую учениками являлись дети знатных и богатых персов (см. фото 1). Школа находилась полностью в ведении бригады, и персидское правительство не

могло вмешиваться как в организацию учебного процесса, так и в другие дела школы, как, собственно, и в дела самой бригады. Сам курс обучения был 4-летним, и программа строилась по примеру сокращенного курса российских средних учебных заведений [Кулагина 2010: 141].

Подробный отчет о деятельности школы при персидской Казачьей бригаде, составил в 1904 г. для Общества востоковедения инструктор пехотной части 17-го Тифлисского полка бригады капитан А. В. Критский. Одновременно он являлся преподавателем географии и истории в этой школе и был избран в члены-сотрудники Общества. Школа при Казачьей бригаде должна была среди прочего способствовать укреплению политического влияния России в Персии. Персы, поступавшие на службу в бригаду часто для того, чтобы избежать произвола местных властей, оставались далекими от всего русского. То же касается и их семей. Политическое воспитание подрастающего поколения в миссионерских школах и в Западной Европе было враждебно России. После организации школы знатные персы, посылавшие ранее своих детей учиться за границу, стали определять их в нее, убедившись в высоком уровне организации обучения. Таким образом школа формировала «правильные воззрения на дружественную им Россию» среди детей многих лиц, занимавших высокие государственные посты в Персии [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 54].

С этой целью была тесно связана и экономическая составляющая. Для обеспечения эффективной деятельности многочисленных российских агентств и предприятий в Персии требовалось большое количество сотрудников из местного населения, владевших русским языком и получивших первоначальное знакомство с Россией и ее культурой еще с детского возраста. Это позволило бы вытеснить из сферы торгово-экономических отношений России с Персией «неблагонадежный инородческий элемент (армяне, евреи)» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 53].

Широкий набор дисциплин, имевших сугубо практическую профориентационную направленность (столярное, портняжное, кондитерское и фруктовое-консервное, дорожно-строительное дело, шелководство, молочное хозяйство), которые реализовыва-

Фото 1. Урок персидского языка в младшем классе в школе
при Персидской казачьей бригаде [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 49–50]

[Photo 1. Persian-language lesson for a junior grade at the school under the Persian Cossack Brigade]

лись в школе при Казачьей бригаде, говорил о том внимании, которое уделялось подготовке местных кадров в сфере экономики, по направлениям которой Россия сотрудничала с Персией. Поэтому по окончании школы ученики становились либо офицерами бригады, либо распределялись в разные учреждения в соответствии с полученной профессиональной специализацией (Энзели-Тегеранская, Хамаданская железные дороги, банк, агентства) [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 3]. Важность получения различных профессиональных навыков в школе для молодых персов заключалась еще и в том, что это позволяло им начинать карьеру без какой-либо родственной протекции и независимо от происхождения, что было обычным делом в Персии и зачастую наличие образования не играло никакой роли в назначении на ту или иную должность.

Менявшаяся на протяжении первого десятилетия XX в. геополитическая обстановка в мире оказывала свое влияние и на, казалось бы, такие частные вещи, как структура учебной программы в школе при Ка-

зачьей бригаде. В упомянутом рукописном отчете А. В. Критского 1904 г. среди иностранных языков, которые преподавались в школе («чтобы расположить к себе знатных родителей»), назывались французский и немецкий, причем особенно подчеркивается, что именно «не английский» [РГИА. Ф. 748. Оп. 1. Д. 2. Л. 53].

В 1907 г. Россия и Англия заключили Соглашение о разделе сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете, и период острого противостояния двух держав на Среднем Востоке закончился, и начался процесс формирования Антанты. В 1908 г. тот же отчет А. В. Критского был скорректирован, напечатан и отправлен в Министерство финансов, чтобы стать дополнительным аргументом в пользу оказания школе финансовой поддержки. Но в печатной версии, во-первых, уже нет упоминания про английский язык в негативном оттенке и, во-вторых, не указан и немецкий, так как в это время происходило усиление влияния Германии в Персии. В программе остался только французский язык [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 5].

6. Заключение

Одним из конкретных результатов деятельности школы при Персидской казачьей бригаде в контексте реализации политики «мягкой силы» России в Персии было то, что она напрямую влияла на создание положительного образа русских офицеров и инструкторов в глазах местного населения, поскольку «всякий перс видит тут работу не военную, которая всегда казалась персам подозрительной, а работу несомненно производительную» [РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 317. Л. 2].

Формирование среди персидского населения большой прослойки лояльных России людей, имевших в том числе и экономическую заинтересованность в тесных связях между двумя государствами, являлось важнейшей задачей, которая негласно ставилась высшей российской политической

элитой перед всеми лицами, причастными в той или иной мере к развитию русско-персидских отношений. Эта школа работала, пока продолжала действовать сама бригада, увеличивала сроки обучения, расширяла свой образовательный потенциал. Но, кроме Тегерана, за первое десятилетие XX в. русско-персидские школы были открыты и с разной степенью эффективности выполняли свои задачи во многих городах Северной Персии: Решт, Тавриз (совр. Тебриз), Барфоруш (совр. Баболь), Энзели, Урмия. В некоторых из них (например, Барфоруш) организация учебного процесса находилась на довольно низком уровне, в других (Решт, Тавриз) она достигла значительных результатов, а русский язык и русская культура среди населения северных провинций Персии к началу Первой Мировой войны были совсем не чужими.

Источники

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Литература

- Алиев 2004 — *Алиев С. М.* История Ирана. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. 649 с.
- Ананьич 1962 — *Ананьич Б. В.* Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // Монополии и иностранный капитал в России (Труды Ленинградского отделения Института истории. Вып. 4). М.; Л.: ЛОИИ, 1962. С. 274–314.
- Антюхова 2018 — *Антюхова Е. А.* Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 4. С. 197–209.
- Дзевановский-Петрашевский 2018 — *Дзевановский-Петрашевский В.* Серая Маркович Шапшал (1873–1961). Опыт биографического очерка // Караимский альманах. 2018. Т. 7. С. 25–65.
- Кулагина 2010 — *Кулагина Л. М.* Россия и Иран (XIX – начало XX века). М.: Ключ-С, 2010. 272 с.
- Мустафаева 2023 — *Мустафаева С. Р.* Архив-

Sources

Russian State Historical Archive. (In Russ.)

- ные документы Наримана Нариманова о благотворительной деятельности Гаджи Зейналабдина Тагиева в области просвещения. // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: мат-лы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 7 февраля 2023 г.). М.: Печатный цех, 2023. С. 59–66.
- Павлова 2017 — *Павлова И. К.* Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 47–60.
- Rustayi 2003 — *Mohsen Rustayi.* Tarix-e tab u tababat dar Iran (az ahd-e Qajar ta paian asr-e Reza shah) be ravaiat-e asnad (= История медицины и врачебного дела в Иране (со времен династии Каджаров до конца правления Реза-шаха) на основе документов). Tehran: National Library and Archives of Iran, 2003. 930 p.

References

- Aliiev S. M. History of Twentieth-Century Iran. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), Kraft+, 2004. 649 p. (In Russ.)
- Ananyich B. V. The Loan and Discount Bank of Per-

sia in 1894–1907. In: Monopolies and Foreign Funds in Russia (Proceedings of the Leningrad Institute of History 4). Moscow, Leningrad: Leningrad Institute of History, 1962. Pp. 274–314. (In Russ.)

- Antyukhova E. A. Education as a soft power in modern foreign and Russian politological research. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2018. Vol. 23. No. 4. Pp. 197–209. (In Russ.)
- Dzevanovsky-Petrashevsky V. Seraya Shapshal (1873–1961). An outline of his biography. *Almanach Karaimski*. 2018. Vol. 7. Pp. 25–65. (In Russ.)
- Kulagina L. M. Russia and Iran: Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Moscow: Klyuch-S, 2010. 272 p. (In Russ.)
- Mustafaeva S. R. Educational charity of Haji Zeynalabdin Taghiyev in archive documents relating to Nariman Narimanov. In: Topical Issues of Science and Education in the Face of Present-Day Challenges. Conference proceedings (Moscow, 7 February 2023). Moscow: Pechatnyi Tsekh, 2023. Pp. 59–66. (In Russ.)
- Pavlova I. K. From the history of the Loan and Account Bank of Persia (From the Russian archives). *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2017. Vol. 22. No. 2. Pp. 47–60. (In Russ.)
- Rustayi M. History of medicine and medical practice in Iran (From the Qajar dynasty to the late years of Reza Shah): A document analysis. Tehran: National Library and Archives of Iran, 2003. 930 p. (In Pers.)

